

Ты хорош

«Юэ-цзунь, — низким голосом произнёс Те Хэнцю, решив, что раз уж ему, скорее всего, суждено умереть, то можно отбросить притворство; в его тоне прорвалось безрассудное, почти фанатичное чувство, — стоять с вами плечом к плечу — величайшая честь в жизни этого ученика. Теперь я могу умереть без сожалений».

Юэ Бочжи искоса взглянул на него и холодно бросил: «Сосредоточься на битве».

Перед лицом грозного врага Те Хэнцю больше не сдерживался. Он глубоко вздохнул, его меч внезапно задрожал, и лезвие сверкнуло холодной вспышкой, словно цветок сливы, распутившийся посреди зимы — холодный и ослепительный. Это была техника «Раскрытие бутонов зимней сливы»!

Юэ Бочжи, увидев, как Те Хэнцю использует его коронный приём, не выказал особого удивления и тоже применил «Раскрытие бутонов зимней сливы».

Те Хэнцю поначалу напрягся, не зная, как Юэ Бочжи отреагирует на то, что он владеет его техникой.

Но враг был близко, и времени на раздумья не оставалось.

Вскоре его напряжение сменилось восхищением.

Даже ослабленный, истекающий кровью Юэ Бочжи, небрежно исполнив «Раскрытие бутонов зимней сливы», заставил выпад Те Хэнцю, в который тот вложил все свои силы, выглядеть жалкой пародией.

Энергия меча, что сорвалась с клинка Те Хэнцю в виде ледяных лепестков, даже не коснувшись чёрного тумана, была развеяна порывом астрального ветра, рассыпавшись алыми искрами и бесследно исчезнув.

В то же время ледяные цветы, сорвавшиеся с кончика меча Юэ Бочжи, столкнулись с демонической энергией, и каждый их осколок превращался в новый бутон, непрерывно разрывая завесу тьмы, густую, как тушь.

В разрывах тьмы наконец проступил смутный силуэт.

Окутанный чёрным туманом, он всё ещё скрывал своё лицо.

«Ради твоей матери, — прошипел силуэт, — отдай мне нефритовую подвеску упавшей луны, и я сохраню тебе жизнь!»

Юэ Бочжи усмехнулся: «Каждый из вас говорит так, словно был в неё без памяти влюблён. Если это правда, то как она умерла? И откуда у меня врождённая болезнь сердца?»

Человек на мгновение замолчал, но быстро нашёл что ответить: «Упрямством ты весь в неё. Жаль... боюсь, и конец твой будет таким же!»

Не успел он договорить, как его фигура метнулась вперёд, и он нанёс удар ладонью, разящий, как клинок.

Юэ Бочжи с трудом отразил удар мечом, но из-за потери крови его движения уже не были такими быстрыми, и отдача отбросила его на полшага назад. Из рта хлынула новая струя крови, окрасив бледные губы в цвет румян.

«Какая жалость, какая жалость. Если бы не твоя болезнь, ты бы стал поистине великой личностью!» — со смехом произнёс человек, но в его голосе звучало не сожаление, а скорее облегчение.

С этими словами он нанёс ещё один удар.

Увернуться было невозможно.

Те Хэнцю, не раздумывая, бросился к Юэ Бочжи, чтобы закрыть его своей спиной!

В этот миг он был уверен, что ему конец.

Поэтому его взгляд, устремлённый на Юэ Бочжи, был лишён всякого притворства.

Он смотрел на него прямо, и маска, которую он носил так долго, треснула, обнажив его простую, как гнилая трава, душу.

Больше не нужно было опускать глаза. Теперь он мог свободно вытянуть шею, широко раскрыть глаза и смотреть.

Смотреть на него.

Таким взглядом смотрит зверь на пороге смерти, пытаясь запечатлеть образ своей добычи в памяти, чтобы унести его с собой в следующий круг перерождения.

Порыв ветра растрепал волосы Юэ Бочжи, скрыв половину его лица.

Те Хэнцю видел лишь его окровавленные губы, изогнувшиеся в усмешке: «Прочь».

Не успели эти слова прозвучать, как Те Хэнцю почувствовал лёгкий толчок в плечо и рухнул на землю.

Чёрный туман устремился прямо к Юэ Бочжи.

Слишком поздно!

Те Хэнцю в ужасе рухнул на колени и протянул руку, пытаясь остановить неизбежное, но не мог.

В пепельно-серых глазах Юэ Бочжи отразилась его отчаянная, искажённая ужасом фигура.

Юэ Бочжи смотрел на него.

Смотрел на его спину, выгнутую, как тетива лука, на его руки со вздувшимися венами, на его дрожащие пальцы, на его посиневшие губы, что беззвучно шевелились, как у выброшенной на берег рыбы.

Юэ Бочжи лежал на боку, вид у него был совершенно жалкий.

Белоснежная лента в волосах пропиталась кровью и обвила его шею, словно змея, насытившаяся кровью.

Но эта змея, казалось, душила не его, а Те Хэнцю.

«Нет!» — вырвался из его горла крик.

И тут Юэ Бочжи улыбнулся — чистой, детской улыбкой.

Такой холодный человек, как он, редко улыбался так, чтобы были видны все восемь зубов.

Это было прекрасно, даже несмотря на то, что его красивые, ровные, как жемчуг, зубы были в крови, и даже в щелях между ними виднелась алая кровь.

Колени Те Хэнцю с силой ударились о камень.

Он почти впал в полное отчаяние, но, подняв глаза, замер.

Чёрный туман не поразил Юэ Бочжи. Он лишь мягко обвился вокруг него, превратившись в тонкую чёрную нить, и, словно змея, выхватил из его руки нефритовую подвеску упавшей луны.

Те Хэнцю поднял голову и увидел, как таинственный незнакомец, парящий высоко в небе, потирает подвеску: «Ради неё я не убью тебя».

С этими словами весь чёрный туман мгновенно исчез.

Те Хэнцю бросился к Юэ Бочжи: «Юэ-цзунь... Юэ-цзунь...»

Чудесное спасение, возвращение с того света — на мгновение Те Хэнцю потерял дар речи.

Но это везение тут же заставило его снова надеть маску.

Он снова стал скромным и почтительным. Опустившись на одно колено, он осторожно протянул руку, чтобы помочь Юэ Бочжи: «Юэ-цзунь, вы в порядке?»

Юэ Бочжи взглянул на него и, не приняв помощи, сам поднялся и сел прямо, словно и не был ранен.

Те Хэнцю неловко отдернул руку.

В неловкой тишине с неба слетела Алая птица и, кружась, подняла упавший облачный паланкин.

Юэ Бочжи встал. Его белоснежные одежды были испачканы грязью и кровью, что лишь подчёркивало его неземную красоту.

Те Хэнцю понял, что его одержимость стала ещё сильнее, но он ещё глубже скрыл её.

Он заставил себя опустить взгляд, уставившись на пятна крови на одеянии Юэ Бочжи, и проглотил рвущееся наружу жгучее безумие.

«Юэ-цзунь, я так рад, что с вами всё в порядке», — почтительно произнёс он.

Юэ Бочжи посмотрел на его покорно опущенную голову и равнодушно сказал: «И ты хорош».

Те Хэнцю растерялся. Он не мог понять, что именно означают эти слова. По форме — похвала, по тону — насмешка. Это никак не походило на добрые слова.

Он не понимал, чем снова провинился перед Юэ-цзунем, и лишь опустил голову ещё ниже.

Юэ Бочжи легко взошёл в облачный паланкин и, прежде чем занавес опустился, спросил: «Ты войдёшь?»

Те Хэнцю, отчётливо уловив насмешку в словах «и ты хорош», смиренно ответил: «Ученик грязен и боится испачкать ваш паланкин. К тому же, мне пора возвращаться к старшим братьям».

«Прекрасно», — снова сказал Юэ Бочжи.

Занавес опустился.

Паланкин взмыл в воздух.

Те Хэнцю стоял на месте, провожая его взглядом.

Но паланкин вдруг остановился.

Те Хэнцю, недоумевая, подошёл ближе и осторожно спросил: «Юэ-цзунь, у вас есть ещё какие-то наставления для ученика?»

«А ты послушен», — сказал Юэ Бочжи. — «Хочешь награду?»

Те Хэнцю потёр похолодевшую шею. «С таким зловещим тоном, — подумал он, — какая ещё награда? Разве что пара пощёчин? Я на это не куплюсь!»

Он сложил руки и произнёс: «Служить вам — честь, я не смею и думать о награде».

Юэ Бочжи тихо хмыкнул и сказал: «Хорошо, но запомни...»

Те Хэнцю замолчал.

«То, что сегодня произошло, никто не должен знать».

«Больной что ли? — подумал Те Хэнцю. — Я, ты и тот таинственный незнакомец — нас уже трое! Неужели Юэ-цзунь так силен в искусстве меча и так слаб в арифметике? Эх! Впрочем,

ладно. У каждого должны быть недостатки, иначе он был бы слишком совершенен!»

Спорить с Юэ-цзунем он не стал и лишь кивнул: «Ученик будет нем как могила».

«М-м, — Юэ Бочжи помолчал и добавил: — Я запомню твою сыновнюю заботу. Если в будущем у тебя возникнут трудности, можешь обратиться ко мне».

Не успел он договорить, как в руке Те Хэнцю оказалась нефритовая табличка для передачи сообщений.

По идее, получив табличку от Юэ Бочжи, Те Хэнцю должен был радоваться.

Но каждый раз, слыша слова о «сыновней заботе», он чувствовал себя немного неловко. Тем не менее, он изобразил искреннюю радость: «Ученик помнит милость Юэ-цзуня!»

Он выглядел чистосердечным и наивным, но в душе уже ликовал.

Слова Юэ Бочжи «если возникнут трудности, можешь обратиться ко мне» означали, что тот действительно его запомнил.

Однако Те Хэнцю не собирался использовать эту табличку бездумно.

Он знал, что это — ценный козырь, но и единственный.

Его нужно было использовать в подходящий момент.

Он крепко запомнил это и уже начал обдумывать, когда, где и при каких обстоятельствах он сможет воспользоваться этой табличкой.

Надо сказать, он уже с нетерпением ждал этого момента.

Но он не знал...

Что Юэ Бочжи тоже ждал этого момента.

***